

Темченко Александр Андреевич

Ленточка орденская на знамени. Вот она меня и спасла

Я родился 9 сентября 1968 года в селе Ковалёвка Беляевского района Одесской области. В 1975-1985 годах учился в Ильинской школе. Учился неплохо и в 1985 году поступил в Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина на кафедру авиационных двигателей энергомашиностроительного факультета, где учился 1,5 года, после чего оставил учёбу и уехал домой.

При постановке на воинский учёт мне предложили учиться в ДОСААФ на водолаза. Три года барахтаться в глубинах мирового океана мне очень не хотелось. Я начал дерзить и пререкаться, чем и разозлил военкома. Спасло то, что я был 1968 года рождения, а не 1969-го. Группа комплектовалась в мае 1987 года. В институте мне дали отсрочку до лета, то есть она ещё действовала. Военком отпустил и посоветовал активно готовиться к сухопутной службе. В результате я попал из Одессы опять в Ленинград в составе команды, состоящей из 10 человек и прапорщика-покупателя.

В дороге мы пили безбожно, но не воду, конечно. Прапорщик резонно заявил нам, когда мы его активно угощали, что служить нам будет тяжело. Это я понял в первый

же день службы. До службы я весил 105 килограммов. Гоняли нас «классически», и за полтора месяца во мне осталось 69 килограммов. После этого служба полегчала, но домой, как ни странно, хотелось всегда и очень.

Мир тесен. В мою воинскую часть, находившуюся на улице Блюхера в 150-ти метрах от общежития политехнического института на Лесном проспекте, часто забегали мои друзья-студенты, чтобы посмотреть на то, что осталось от «Сани из Одессы».

После окончания военной учебы я стал специалистом по ремонту и консерваций танкового вооружения, а также вооружения БМП-1. В составе группы товарищей Родина направила меня в Демократическую республику Афганистан. Перечислю места моего служебного путешествия: Ленинград-Ташкент-Кабул-Баграм-Джабаль-ус-Сарадж-Баграм-Кабул-Термез.

Через два дня после прибытия в Ташкент нас загрузили в военно-десантный самолёт «Ил» и выдали по парашюту. Нас на «борту», видимо, было больше, чем надо, поскольку парашютов не всем хватило. Но мне, никогда не прыгавшему с парашютом и никогда его не видевшего, досталось это «счастье».

Летели днём, пролетали хребет Гиндукуш. Сразу скажу - зрелище это потрясающее. В голове «дитяти степей» оно не укладывалось своим величием и грандиозностью. От зрелища вершин заснеженных, проплывающих практически рядом с самолётом, становится жутковато и буквально захватывает дух.

Посадка в Кабуле проходила на закате. Когда выбрались на твердь земную, первое, что я увидел, так это горы вокруг. Народ встречал нас с оружием. Вокруг взлетали и садились самолёты. Носились по кругу «вертушки» и катались по аэродрому БТРы, БМП и прочие бронированные «железки». А вокруг валялись стреляные гильзы и патроны. Первая мысль: «Попал ты, Саня! Если не сейчас подстрелят, так ночью зарежут. Ну, а если нет, то завтра уж точно шлёпнут».

Следующей ночью, на самолёте, нас переправили в Баграм. Там мы две недели сидели на варёной пшенице. Затем нас посадили на БТРы и повезли в полк. Месяц сидели в карантине, где нас активно «обстругивали» под обстановку.

Я попал в ремонтную роту. Хотелось, конечно, в более боевую часть, но мне сказали, что за специалиста Кошелев, наш ротный, загрызёт кого хочешь, даже «полкач» не поможет. Там мне дали личное оружие СВД и книжечку-пособие для снайпера. До меня, её носил предыдущий комвзвода Зырянов, но его сменщик Васильев предпочёл АКСУ.

Обстановка сложилась на время моей службы нервная. «Духи» постоянно пытались прервать сообщение по дороге: Хайратон - Саланг - Кабул. Полк наш выполнял функции по охране этой дороги. Зона ответственности нашего полка протянулась от Баграмского поворота через Чарыкар, Джабаль, Таджикиан, Уланг, Саланг, другие точки и кишлаки, которые заканчивались далеко за Химжаном.

Наша рота находилась напротив кишлака Джабаль-ус-Сарадж в ППД (пункт постоянной дислокации). Подразделения полка были разбросаны по маршруту заставами и на вершинах «секретами». Задача одна - не допустить минирования и нападения на автоколонны. А так как «духи» очень уж любили пострелять и пограбить на трассе, то служба в полку была беспокойной. Днём как днём, а ночью трассера летели, и из «зелёнки» - по одиночке и дружными стаями постоянно. Но на них мы уже не обращали практически никакого внимания. Лишь когда мины начинали летать, мы прыгали в окопы и с возмущением смотрели в «зелёнку». Достать «стрелков» из стрелкового оружия мы не могли, зато артиллеристы резвились всюду.

Постепенно на нас наваливались тоска и уныние! Опять завтра грузить со склада на батарею ящики со снарядами. У нас любили затыкать нашей ротой дыры. Ходили на «секреты», таскали туда боеприпасы, уголь и продовольствие. Пыли было столько в этой стране, что я ещё нигде столько не видел. Жара, постоянно хотелось вдоволь напиться воды, хорошо поесть и «вкусно поспать».

Постоянные караулы, посты, стрельба, жара и тоска по дому истощали физически и морально. Очень часто, отстояв на посту, вместо отдыха шли в парк, потому, что приехал танк, пушка сломана, пулемёт не стреляет, и вообще: «Бери винтовку и иди ремонтировать!» А через два часа опять на пост. На выезды ездили по маршруту очень часто, так как хотя оружие надёжное, но и оно ломалось. Особенно любили ездить на

Саланах, потому что там зимой холодно, а летом прохладно. И воды там было много, и была она не тёплая, как в бачке в роте. Иногда хотелось зарыться в снег и сидеть там.

Однажды прибежал солдат и зовёт меня: «Танк стоит, пушка не работает, а этот гад жить не даёт, из пулемёта лупит. А достать не можем, гильзо-выбрасыватель сломался». Взял запчасти, и мы пошли. Прошли метров 600, потом на пузе поползли. «Дух» резвится, пули шипят. Доползли до ложбины, затем, согнувшись, побежали к танку. Он стоит в капони́ре. Через люк механика-водителя в танк залез. А этот псих лупит - по броне пули стучат. Через 15 минут танкисты его из пушки и «отправили».

Весной 1988 года мы отошли от промозглой зимы, почистились, вывели вшей, а тут и вывод. Вызвал Кошелев меня 16 мая в свою «канцелярию» и объяснил - будет дивизионная операция в Гульбахоре, сбор боевых групп возле нас. Стою на посту - в штабе у знамени. Ночью такая стрельба началась, хоть святых выноси. А когда начали падать мины и делать из штаба решето, я схватил знамя и побежал в караулку. Полк наш был героический, о чём говорила ленточка ордена на знамени. Вот она меня и спасла. Когда я бежал, наступил на неё и со всего маху зарылся в землю. В этот момент метрах в семи на взгорке рванула мина, и осколки все прошли надо мной. После такого, я перемахнул колюче-каменный 2-метровый забор без шеста и не зацепился. Забился в караулке в угол и спокойно, обняв знамя, задремал, неся дальнейшую службу. А ребята наши бегали на склады РАВ и тушили пожар. Там взорвалось несколько мин, и загорелись ящики со снарядами.

Подходило время вывода нашего полка. Всех нас определили в боевые расчёты машин, технику начали сдавать «зелёным», наш полк обеспечивал выход тех, кто находился южнее, на блокпостах, «секретах» и заставах. Организовывались боевые группы, которые участвовали в выводе войск из Файзабада, из других отдалённых гарнизонов. Ездили ребята и из нашей роты на БТФе и БТРе в составе эвакогруппы. Ещё один БТФ и тягач «Урал» были постоянно прикомандированы на перевале Саланг.

Ситуация зимой 1988 и 1989 годов на перевале была очень сложной. Второй этап дотянули до зимы. А зима на

Саланге вещь серьёзная - снег, лавины, гололёд. Сколько техники ушло в ущелье!

В пеший состав я не попал, поэтому меня и ещё человек 300 на перекладных через Баграм и Кабул отправили по воздуху. Наш борт сел 13 января 1989 года уже в кромешной тьме. Колонной автомашин нас привезли в «отстойник».

Я, наконец-то, написал домой, что служил в Афганистане. Полтора года я писал родителям, что служил в Монголии. Затем попал дослуживать в самоходно-артиллерийский полк. Нас постоянно поднимали по тревоге к границе, мы разворачивались, стояли дня два, а затем опять уходили в часть. Ползли слухи, что нас опять отправят «за речку».

5 апреля 1989 года я был дома.

Смотря на прошлое с высоты прожитых лет, я удивляюсь, как это я смог всё так удачно выдержать. Нагрузки очень часто бывали запредельными. Жаркий климат, букет всяких болезней, боевые действия, понимание того, что здесь что-то не то. Сейчас бы я этого не выдержал. Не буду рвать тельняшку и кричать, что «кровь мешками проливал», но скажу, что всё же что-то героическое в этом было. Наш ротный Кошелев говорил: «Орден нужно давать только за то, что уже попал сюда».

Часто вспоминаю его, своих друзей-однополчан - Диму Попова, Сергея Кашёлкина, Краснова, Жёлтышева, Чернова, Пашаева, Синельникова, Лозувенко и ещё многих и многих других, с кем служил. Вспоминаю все эти фейерверки с дымом и копотью, и в душе тихо начинает что-то щемить. И даже после преступного развала нашей страны я был, есть и буду советский солдат, никогда не изменивший Присяге своей Родине, солдатам, другую присягу не принявшим!

Афганистан живёт в моей душе. Я читал 11-й том воспоминаний о войне «От солдата до генерала». Один «афганец» написал, что он тихо радуется тому, что сейчас там завязли американцы. Я радуюсь не тихо. Я радуюсь громко, часто подпрыгивая от восторга. Американцы сами воспитали этих «духов», снабжали их оружием и деньгами. Пусть теперь сами и «расхлёбывают эту кашу».

Апрель 2010 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

*студентка Одесского государственного
университета МВД **Темченко Ольга
Александровна***

и

Гольцер Владислав Александрович